

Н.С. Иванов¹
N.S. Ivanov

**ХОСЕ БАТЛЬЕ-И-ОРДОНЬЕС: ЛИБЕ-
РАЛЬНЫЕ РЕФОРМЫ В УРУГВАЕ И
ПОЗИЦИЯ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ
(1903-1915)²**

**JOSÉ BATLLE Y ORDÓÑEZ: LIBERAL
REFORMS IN URUGUAY AND THE AT-
TITUDE OF GREAT POWERS
(1903-1915)**

Аннотация: Статья посвящена масштабным либеральным реформам выдающегося политического деятеля Латинской Америки, президента Уругвая (1903-1907, 1911-1915) Хосе Батлье-и-Ордоньеса. Благодаря его деятельности страна вышла из череды кризисов и кровавых гражданских конфликтов и превратилась в «первое государство всеобщего благосостояния на латиноамериканском континенте», по мнению большинства историков-латиноамериканистов. В статье анализируется характер

¹ *Николай Серафимович Иванов*, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; (Ivanov Nikolai S., Institute of World History of the Russian Academy of Science, nik3334@yandex.ru.).

² При поддержке РГНФ, грант № 15-01-00343а, «Либерализм и консерватизм в латиноамериканской истории».

преобразований, идеология батльизма, политическое наследие уругвайского президента, а также реакция на реформы со стороны правящих кругов Великобритании и США.

Ключевые слова: Хосе Батлье-и-Ордоньес, Уругвай, либерализм, батльизм, национал-реформизм, Великобритания, США.

Abstract: The article is devoted to the large-scale liberal reforms of the outstanding politician of Latin America, President of Uruguay (1903-1907, 1911-1915), José Batlle y Ordóñez. Thanks to his activities the country went out of the series of crises and bloody civil conflicts and turned into "the first welfare state in Latin America", according to most historians of the continent. The article examines the nature of reforms, ideology of «batllismo», political legacy of the Uruguayan President, and the reaction to his reforms from the political elite of Great Britain and the United States.

Keywords: José Batlle y Ordóñez, Uruguay, liberalism, batllismo, national-reformism, UK, USA

Хосе Батлье-и-Ордоньес (1856-1929 гг.) по праву считается одним из выдающихся политических деятелей Латинской Америки XX века. Во время своего двукратного пребывания на посту президента Уругвая (1903-1907 и 1911-1915 гг.) он смог осуществить целую серию либеральных реформ, благодаря которым страна вышла из беспрерывной череды кризисов и кровавых “революций” предшествующего века и превратилась в “первое государство всеобщего благосостояния на территории Латинской Америки”, как восторженно писали о ней в свое время западные исследователи³.

Им был внесен значительный вклад в установление и упрочение в Уругвае парламентской демократии, которая продержалось в стране вплоть до военного переворота 1973 г. Кроме того, антиимпериалистическая направленность его реформистского курса, усилия по модернизации страны и всемерному развитию социального законодательства и социального обеспечения снискали ему славу одного из первопроходцев идеологии национал-реформизма, завоевавшей популярность не только в Латинской Америке, но и в

³ Pendle G. Uruguay. South America's First Welfare State. Oxford, 1952.

освободившихся после второй мировой войны из под колониального гнета странах Азии и Африки⁴.

Хосе происходил из семьи потомственных уругвайских аристократов и политиков. Был сыном президента Уругвая (1868-1872) Лоренсо Батлье-и-Грау. Эта традиция продолжалась и в последующих поколениях. Сыновья Хосе – Сесар, Рафаэль и Лоренсо стали известными государственными деятелями страны. Племянник, Луис Батлье Беррес, занимал высший исполнительный пост в 1947-1951 гг., а внучатый племянник Хорхе Батлье был президентом в 2000-2005 гг.

Хосе получил хорошее образование на юридическом факультете университета Монтевидео и в Сорбонне. В 1886 г. он основал газету «El Día», которая стала его главным идеологическим и политическим органом в борьбе против оппонентов и постановке на повестку дня широкого круга либеральных реформ, коренных преобразований государственной власти и системы управления.

Критика диктаторской власти президентов Латорре и Сантоса несколько раз приводила к его аресту и тюремному заключению. Он, вместе со своими соратниками, представлял небольшое, но сплоченное меньшинство «батльистов» в партии Колорадо. В 1893 г. Батлье был избран в палату депутатов уругвайского Конгресса, а в 1896 г. стал сенатором. В 1899 г. в течение короткого срока исполнял обязанности президента страны (между двумя президентскими сроками Х.Л. Куэстаса). Одержав победу на выборах, с марта 1903 г. занял пост президента.

Главным итогом его первого президентского срока стала победа в кровопролитной гражданской войне, которая опустошала страну в течение многих лет. В битве при Масольере 1 сентября 1904 г. был смертельно ранен предводитель второй крупнейшей политической партии страны, Национальной партии («Бланко») Апарисио Саравия. Его сподвижники перевезли его в Бразилию, где он умер через 10 дней⁵. Лишившись предводителя противники

⁴ Panizza F. Uruguay: Batllismo y despues. – Montevideo: Banda Oriental, 1990; Conci G., Guidici G., Guidici C. Batlle y el batllismo.– Montevideo: Editorial Ateneo, 1957; Finch, H. Political Economy of Uruguay: 1870-1970. – Basingstoke: Macmillan, 1981.

⁵ Burel H. Los inmortales: el encuentro Batlle – Saravia. – Montevideo: Alfaguara, 2003. – P. 37.

Батлье не смогли консолидировать свои силы, и в стране наступил период затишья. «Революция» Саравиа стала последней гражданской войной в истории страны.

Еще одним итогом первого срока стали меры по секуляризации, лишению католической церкви социальных функций и освобождению общества от ее влияния. В 1906 г. в больницах и лечебницах было запрещено размещение крестов и иной религиозной символики, в публичных клятвах уже нельзя было ссылаться на Бога и священные тексты⁶.

Политика секуляризации продолжалась и в течение второго срока президентства. А после Батлье, во время правления Ф. Виеры (1915-1919) пятая статья конституции 1919 г. гарантировала свободу вероисповедания и отделение церкви от государства (уругвайское общество прошло в отношении к данному вопросу довольно значительный путь: достаточно отметить, что за двадцать лет до этого, в конце XIX - начале XX века, когда президент Куэстас начал ограничивать привилегии католического духовенства, на него обрушился поток критики, приписывавший его мероприятия “проискам масонов”, и мероприятия по секуляризации закончились провалом).

К 1919 г. католическая церковь была полностью отделена от государства, хотя ей было оставлено все ее имущество и собственность. В официальном календаре исчезли религиозные праздники. Так например, 25 декабря стал “Семейным днем”, а рождественская неделя осталась праздничной, но также под другим названием - “Креольская неделя”, позже переименованная в “Туристическую неделю”⁷.

Во время первого президентского срока большую известность снискали мирные инициативы Батлье. В 1907 г. он возглавил делегацию Уругвая на Второй Гаагской конференции, и его предложения по поддержанию мира заслужили высокую оценку большинства участников. Некоторые из мер, выдвинутых уругвайской делегацией, нашли отражение в итоговых документах конференции. В частности был введен запрет на использование химического

⁶ Williams E.J. Secularización, integración, racionalización: algunas perspectivas del pensamiento latinoamericano. – Wash.: Centro de Información, Documentación y Análisis Latinoamericano, 1975. – P.13.

⁷ Ibid., P. 13-20.

оружия, который действует в международном праве до сих пор⁸.

ИДЕОЛОГИЯ: ОПОРА НА «СРЕДНИЙ КЛАСС»?

По окончании своего первого президентского срока, когда много усилий было потрачено на подавление восстания Национальной партии (Бланко) во главе с генералом Саравиа, Батлье в течение последующих четырех лет много путешествовал по Европе, изучал системы государственного управления во Франции, Швейцарии, других странах. В этих поездках складывалась его политическая и идеологическая линия, нашедшая отражение во время второго срока правления.

Большинство исследователей сходятся во мнении, что в своем реформаторском рвении Батлье ратовал за интересы «среднего класса» и что к окончанию второго президентского срока Батлье, то есть в 1915 г., в стране прочно сложилось политическое превосходство средних слоев населения⁹.

Но довольно трудно согласиться с их анализом социальной структуры тогдашнего общества. Базой для подобных выводов была перепись населения 1908 г., из которой исследователи выбрали определенные категории (по занятиям, профессиональной принадлежности и уровню доходов) и произвольно причислили их либо к «рабочему классу», либо к «среднему классу». Одним из наиболее фундированных исследований была статья Г.Рамы в «Уругвайской Энциклопедии»¹⁰, где автор, не выделяя в обществе «высший класс» (вошедший также в «среднюю» группу), рассматривает по уровню доходов группы занятости в промышленности, строительстве, торговле и сфере обслуживания и выделяет в качестве «среднего класса» 21,6 процента «самодельного населения», а к «рабочему классу» (как к «низшему среднему классу») относит в тех же отраслях экономики 50 процентов¹¹.

⁸ The Peace Movement: The Federation of the World. – N.Y.: World-federation League. 1910. – P.14.

⁹ См. например: Johnson J. Political Change in Latin America: The Emergence of the Middle Sectors. Stanford, 1958, p.45.

¹⁰ Rama G. El Ascenso de las Clases Medias. Enciclopedia Urugvaya.N.36. Montevideo, 1969.

¹¹ Ibidem.

Те же попытки выделить “прогрессивные средние слои” в сельском населении (например в известной работе Х.Баррана и Б.Наума¹²) и противопоставить их “высшему сельскому классу”, используя такие (во многом надуманные) расхождения, как опора первого на производство шерсти (т.е. овцеводство) в противовес выращиванию крупного рогатого скота вторыми, а также проводя разграничения по размерам земельных угодий; по отношению к так называемому “кризису тасахо” (tasajo - вяленое мясо), когда многие крупные землевладельцы в начале века потерпели колоссальные убытки по причине того, что на рынке стало котироваться свежемороженное мясо и т.п. – также страдают вышеуказанными по отношению к городскому населению пороками¹³.

Более того, в те годы вообще в политической риторике “средний класс” как таковой не существовал. Ни один политический деятель 1913-1914 гг. ни разу не упомянул этот класс в своих официальных речах и заявлениях. Использование данной терминологии характерно лишь для послевоенной (начиная с 1945 г.) политики. И отсутствие “среднеклассовой” риторики само по себе является мощным аргументом против тех, кто пытается определить “средний класс” в качестве массовой опоры политики Батлье.

Но могут возразить, что Батлье, сам не зная того, «объективно» в своей политике действовал в интересах этого “среднего класса”. Например, утвердил закон о бесплатном среднем и высшем образовании. Но если посмотреть аргументы самого «дона Пепо» в «El Día», то он говорил, что данный закон будет действовать «в интересах всех, без всякого подразделения на классы», и «талантливые бедняки станут выдающимися учеными, в то время как бесталанные богачи будут сажать и выращивать картофель»¹⁴. В этой фразе (кстати, классической для традиционного либерального стремления к меритократии) Батлье явно апеллирует к беднякам, а не к «среднему классу».

В целом пафос батльистских реформ был направлен на «гуманизацию капитализма», как об этом писал один из известных ис-

¹² Barran J., Nahum B. Historia Rural de Uruguay Moderno. Montevideo, v.6, 1976, p.429.

¹³ Ponce de León N. B., Gomensoro J. Bolsa de Valores, Montevideo, 1867-2000. – Montevideo: Bolsa de Valores de Montevideo, 2000. – P.126.

¹⁴ «El Día», Montevideo, 4.12.1914.

следователей Батлье, М.Вангер¹⁵. «Дон Пеппе» либерализовал законодательство о браке – был принят закон о возможности развода не только по желанию мужа (как было раньше), но и жены. Был введен высокий налог на наследство, на землю; подготовлен план земельной реформы, исходящей из принципа, что только государство является единственным законным собственником земли.

«РАБОЧИЙ ВОПРОС»

В условиях развертывания профсоюзного движения, создания левых рабочих партий, главной задачей Батлье было сохранение социального равновесия в обществе. В отличие от большинства тогдашних олигархов, полагавшихся на средства политического насилия, Батлье считал возможным установление «социальной гармонии»¹⁶.

Причем в рабочем вопросе явно прослеживается тенденция к популизму, выдвигению привлекательных для рабочего класса лозунгов. Это прослеживалось в ходе избирательной кампании 1911 г., когда Батлье значительную часть выступлений посвящал положению рабочего класса. Тем не менее, Федерация Труда (Federación Obrera), руководимая анархистами, призвала всех рабочих голосовать на выборах против Батлье. И некоторое время после его прихода к власти рабочий класс вел себя явно антибатльистски: в 1911 г. волна забастовок достигла своего пика, кульминацией стала всеобщая забастовка. Однако благожелательному “нейтралитету” президента рабочие добились реализации многих из своих требований¹⁷.

Затем отношения стали заметно улучшаться, тем более, что в рабочей среде значительно упало влияние анархистов, все время призывавших к стачкам, зачастую вопреки интересам рабочих. Безработица вследствие “золотого кризиса” и разразившейся мировой войны резко снизила политическую и экономическую ак-

¹⁵ Vanger M. José Batlle y Ordóñez, 1915-1917: “Humanizando el capitalismo”. Uruguay y el Colegiado. – Montevideo: Banda Oriental, 2009.

¹⁶ Alexander R.J., Parker E.M. A History of Organized Labor in Uruguay and Paraguay. – Westport, London: Praeger, 2005. – P.20.

¹⁷ Pintos F.R. Batlle y el proceso histórico del Uruguay. – Montevideo: Claudia García, 1938. – P.85.

тивность рабочего класса. И соответственно, реформы Батлье завоевывали все большее число сторонников среди рабочих. Будучи приверженцем либерально-буржуазных реформ, «дон Пеппе» в своих политических заявлениях стал все чаще использовать лозунг: «Реформы, к которым в других странах лишь призывают социалисты, в Уругвае воплощают в жизнь Колорадос!», и на следующих выборах успех партии Колорадо был обеспечен именно благодаря притоку новых голосов из рабочей среды¹⁸.

Батлье нашел свою реформистскую линию - принятие мер, направленных на реальное улучшение положения всего рабочего класса (а не только профсоюзов, объединявших тогда лишь его незначительную часть), таких как введение 8-часового рабочего дня и пенсионное законодательство. Для него была характерна апелляция ко всем слоям населения (часто - к «низшим», «беднякам» и т.п.) с осторожным использованием «рабочего» аспекта в качестве перспективы для привлечения новых голосов на будущих выборах. Данная позиция отвечала чаяниям тех деятелей политической элиты страны, которые верили в экономический национализм и «разумную» социальную справедливость.

Для Батлье, как и его ближайших сторонников, был характерен субъективистский, идеалистический подход к истории и политике (в русле традиций Просвещения), квинтэссенцией которого стала фраза «дона Пеппе»: «Мы способны сделать все, что угодно» (или как он же писал в 1907 г., «мы можем совершать чудеса»)¹⁹.

Именно поэтому основной реформистский пыл был направлен на изменения законодательства, конституционную реформу, так как «хорошие законы должны привести к хорошей жизни» (забывая в своем рвении по созданию «правового государства» известное изречение предшественника просвещенцев, Т.Гоббса, о том, что «сила создает право, а не право – силу»).

По возвращении в Уругвай Батлье был избран президентом на второй срок (1911-1915), и идеи, которые пропагандировались в его газете «Эль Диа» с 1886 г., начали воплощаться на практике. Была введена государственная монополия на страховое дело, элек-

¹⁸ Salazar Mora J.M. Crisis liberal y estado reformista: análisis político-electoral (1914-1949). – San José: Editorial de la Universidad de Costa Rica, 2003. – P. 241.

¹⁹ Pelúas D. José Batlle y Ordóñez: el hombre. – Montevideo: Editorial Fin de Siglo, 2001. – P. 255.

троэнергетику и электросеть. Президент выдвинул требование введения 8-часового рабочего дня, обязательного одного дня отдыха в рабочую неделю, состоящую из пяти рабочих дней, инспектирование условий труда, провел реформу образования и реорганизацию Государственного банка²⁰.

Он отменил смертную казнь, запретил корриду и бои быков. Президент способствовал созданию Государственного ипотечного банка, строительству государственных железных дорог в дополнение к существующим британским, и введению государственной монополии на производство алкогольных напитков и табачных изделий. Им было внесено предложение создать соответствующие научно-исследовательские институты и бюро для разработки проблем, стоящих перед отдельными отраслями экономики и установить протекционистские меры для защиты национальной промышленности. Батлье ратовал за введение пенсии по старости, выплат женщинам по уходу за детьми, возмещение для увольняемых служащих, всеобщее бесплатное начальное образование и принятие законов по защите незаконнорожденных детей²¹.

Реформы президента Батлье, когда он был избран на второй срок в 1911 г. - перестройка и реконструкция столицы страны, Монтевидео, официально объявленная "свобода слова" и политического инакомыслия, прекращение преследований по политическим мотивам, выдвижение программ, направленных на улучшение социального положения населения - пользовались широкой поддержкой в уругвайском обществе²².

Для решения национальных экономических и социальных проблем были приглашены иностранные эксперты. Впервые стали проводиться статистические исследования заработной платы, уровня жизни, спроса и предложения на рабочую силу. Были отменены импортные пошлины на семена и сельскохозяйственные культуры. Введен налог на покупку драгоценностей. В июне 1914 г. конгресс начал рассмотрение возможности предоставления женщинам равных прав с мужчинами.

²⁰ José Batlle y Ordóñez: documentos para el estudio de su vida y de su obra. – Montevideo: Poder Legislativo, Cámara de Representantes, 1988. – P. 32-35.

²¹ Lago J. José Batlle y Ordóñez: ensayos sobre el período crítico de la República Oriental, 1903-1916. – Montevideo: Vanguardia, 1982. – P. 70-72.

²² Batlle y Ordóñez, el reformador. – Montevideo: Edit. Clarida, 1942 – P. 227-230

Типичным для Батлье было высказывание: «Существует огромная несправедливость в том колоссальном разрыве, который мы наблюдаем между богатыми и бедными». Игнорируя в русле либерализма классовые противоречия, он писал: «Истинный источник неравенства состоит в сложности создания справедливой системы распределения благ, а разрыв между богатством и бедностью должен неизменно сокращаться, и это является главной задачей государства»²³

Власть имущие в Уругвае с возрастающим напряжением наблюдали за правотворчеством их выдающегося современника. Даже некоторые из его сторонников не были готовы к фейерверку предложенных проектов. П. Манини предупреждал, что надо двигаться “медленно, но верно”; Х.Э. Родо выступил против закона о 8-часовом рабочем дне; Х. Рамиреса охватил ужас, когда он узнал о готовящемся установлении государственной монополии в области страхования²⁴.

Ассоциация землевладельцев бойкотировала аграрное законодательство и добилась того, что один из его пунктов, проект по увеличению вдвое налога на необрабатываемые земельные владения, (так называемый “проект Вильимана”) даже не был допущен к обсуждению в законодательном органе власти²⁵.

Те же силы, которые создали в 1910 г. “Лигу мира” для отпора “националистической революции” (восстанию “бланкистов”) под лозунгом «Батлье лучше, чем война» - Ассоциация землевладельцев, биржевики, Торговая палата и Центр розничных торговцев - к 1915 г. заняли откровенно враждебную позицию по отношению к Батлье (показательно, что ни одна из крупных фирм не сочла необходимым соблюсти обычную формальность при уходе президента со своего поста - подписать памятный альбом с выражением “наипочтительных уверений в своем уважении”).

Таким образом правление Батлье характеризовалось наличием явно выраженных противоречий: с одной стороны, слабое рабочее

²³ Цит. по Hanson S.G., *Utopia in Uruguay: Chapters in the Economic History of Uruguay*. N.Y. ., p.15-22.

²⁴ Vanger M. *The Model Country: José Batlle Y Ordoñez of Uruguay, 1907-1915*. – Lebanon (N.H.): University Press of New England, 1980. – P. 76.

²⁵ García A. *Reforma agraria y dominación social en América Latina*. – Buenos Aires: Ediciones Nueva Visión, 1973. – P. 45-47.

движение, приверженность большей части политической элиты лозунгу “медленно, но верно”, высокий уровень организации сил крупных городских предпринимателей и землевладельцев; с другой же – динамичная государственная политика экономической модернизации и трансформации, стремление к освобождению из под гнета зарубежного экономического засилья, расширению функций и роли государства, обеспечению достойных условий жизни для всех граждан.

На фоне невысокой массовой поддержки и противодействия со стороны значительной части политической элиты успехи политики Батлье в создании “образцового государства” выдают в нем выдающегося политика, сумевшего добиться максимума возможного в существовавших условиях.

Некоторые исследователи критикуют Батлье за то, что он не создал новую партию, основанную на классовом принципе²⁶. Однако этот шаг даже не приходил (и не мог прийти) в голову Батлье, который всеми своими корнями был привязан к господствующей экономической и политической элите, сложившейся партийной системе, к партии Колорадо, которая была партией его отца, тестя и других родственников.

КОНСТИТУЦИОННАЯ РЕФОРМА

Батлье считал, что реформы неосуществимы без глубоких преобразований в конституции страны и основной законодательной базе. Во время своего визита в Европу Батлье хотел найти некое “универсальное” средство против бунтов и восстаний, которые потрясали Уругвай в течение всего XIX века. Он пришел к выводу, что данные пороки являются следствием чрезмерной централизации исполнительной власти страны.

«Дон Пепе» призывал к реформе существующей конституции по трем направлениям: введение коллегиального органа исполнительной власти; опора на референдумы как средство мирного решения политических противоречий; узаконение местного самоуправления с широкими полномочиями (по примеру швейцарских кантонов). Центральная идея состояла в том, что исполнительная власть должна осуществляться коллегией (“collegio”), состоящей

²⁶ Frugoni E. El libro de los Elogios. Montevideo, 1953.

из 9 лиц.

Однако предложения Батлье о введении “плюралистической” или “коллегиальной” исполнительной власти оставили большинство уругвайцев равнодушными. Некоторые деятели, (например, Балтасар Брум), поддержали его, но противников было так много, что они создали даже свою партию под названием “антиколлегиалисты”.

В итоге бурных дискуссий была принята новая Конституция, вступившая в силу с 1 марта 1919 г., (дня провозглашения новым президентом страны Балтасара Брума). Среди изменений можно отметить пункт, по которому президент избирался в ходе всеобщих выборов (ранее он избирался конгрессом). Был введен Национальный совет. Он состоял из 9 членов, избираемых в ходе всеобщих выборов сроком на 6 лет и должен был готовить к обсуждению в конгрессе бюджет, контролировать и наблюдать за ходом и законностью избирательных кампаний и выборов.

Президент по-прежнему остался главой исполнительной власти, представлявшим нацию внутри страны и за рубежом. Ему непосредственно подчинялись “силовики” - министры внутренних дел, армии и ВМФ, а также министр иностранных дел. Однако контроль над всеми вопросами, которые не были прямо предписаны конституцией для президента, перешли в ведение Национального совета. К ним относились министерство образования, торговли и промышленности, общественных работ.

Хотя двухчленная система исполнительной власти (президент - Национальный совет) вызвала шквал критики, но она на практике не привела к каким-либо серьезным конфликтам внутри властных структур общества.

БАТЛЬЕ И БАТЛЬИЗМ

Влияние Батлье, который умер в 1929 г., сохранялось в Уругвае в течение всего XX века. Деятели партии Колорадо неизменно подчеркивали преемственность их политики от великого уругвайского реформатора. Любопытно, что смена правящего двухпартийного режима (Национальной партии и Колорадо) была также вызвана борьбой за «чистоту» батльизма. Президенты Т. Васкес и Х. Мухика, пришедшие к власти от Широкого Фронта утверждают, что именно политика их партии является неискаженным и без-

укоризненным продолжением реформизма Батлье в новых исторических условиях²⁷.

Политика Батлье в области социального и трудового законодательства была продолжена его сторонниками. 19 ноября 1920 г. был введен один выходной день после 6-дневной рабочей недели для водителей и государственных служащих. В 30е годы служащим коммерческих предприятий была предоставлена так называемая “английская неделя” (*semana inglesa*), когда в дополнение к воскресному дню работники могли отдыхать и вторую половину дня в субботу.

18 ноября 1926 г. был установлен минимум заработной платы для портовых рабочих. Затем были приняты соответствующие законы и для других отраслей экономики. Принимались законы о выплате “семейных пособий” для работников, имевших детей, о выделении служащим ежегодной премии в размере месячной оплаты труда за каждый проработанный на предприятии год, о безопасности труда на предприятиях, об ответственности предпринимателей перед гражданским судом за любой несчастный случай на производстве. Государственные предприятия, департаменты и муниципалитеты были обязаны застраховать своих работников в Государственном страховом банке; был создан Фонд компенсаций по безработице для работников мясоупаковочной промышленности.

Пенсии по старости были предусмотрены впервые в законе от 11 февраля 1919 г. Пенсии должны были выплачиваться для лиц, достигших 60 лет, а также “для всех нетрудоспособных и находящихся в бедности” (вне зависимости от возраста). Для создания пенсионного фонда использовались налоги на предпринимателей и землевладельцев, а также доходы от налогов на азартные игры и алкогольные напитки²⁸.

Комиссия по тарифам США следующим образом описывала отличия Уругвая от других стран Латинской Америки: “Государственные монополии использовались в других латиноамериканских странах в основном как фискальные агентства и источники

²⁷ Gilio M.E. Pepe Mujica: De tupamaro a Presedente. – Buenos Aires: Le Monde Diplomatique, 2005. – P.42.

²⁸ Sinha T. Pension Reform in Latin America and Its Lessons for International Policymakers. – México: Instituto Tecnológico Autónomo de México, 2000. – P. 39.

государственного дохода. В Уругвае, однако, коренным образом отличаются мотивы существования подобных предприятий; система государственных предприятий была создана для обеспечения определенных экономических и социальных выгод для уругвайского народа; таких выгод, например, как дешевое страхование, расширение занятости, невысокие ставки банковского процента, относительно дешевые и прошедшие жесткий санитарный контроль поставки мяса в Монтевидео. Кроме того, данные предприятия использовались для сокращения степени воздействия иностранного капитала на индустриальную жизнь страны и обеспечения достаточной независимости от иностранных источников сырья и готовой продукции”.²⁹

Батльизм поощрял развитие государственного сектора экономики. Государство стало монополистом в сфере страхования. Оно, посредством своих предприятий, являлось одним из крупнейших производителей алкоголя и продуктов нефтепереработки, было собственником мясоперерабатывающего завода и рыболовецких траулеров, производило рыбные продукты и химикаты, контролировало основные банковские учреждения, телефонную систему и порты страны.

Некоторые из государственных предприятий были убыточными и существовали только за счет дотаций. Другие же были достаточно прибыльными, и в итоге чистый доход государственных предприятий за период 1937-1940 гг. составлял в среднем ежегодно более 10 млн. песо.³⁰

ОТНОШЕНИЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И США К БАТЛЬИСТСКИМ РЕФОРМАМ

С момента образования страны доминирующую роль в экономике и политике играла Великобритания. Именно она и сыграла решающую роль в создании самого государства Уругвай в 1828 г., как «буферной зоны» и «своего посредника» между гигантами – Аргентиной и Бразилией. Уругвай стал одним из главных источников шерсти для текстильной промышленности Англии. Кроме

²⁹ U.S. Tariff Commission. Economic Controls and Commercial Policy in Uruguay. USGPO, 1945, p.11.

³⁰ Ibid, p. 13.

того, англичане высоко ценили говядину, поступавшую из этой страны. Пастбищное животноводство, развивавшееся с колониальных времен, получило новый мощный импульс с конца XIX века. Для того, чтобы быстро доставлять крупный рогатый скот в порт Монтевидео были необходимы железные дороги, строительство которых взяли на себя британские инвесторы.

Крупнейшие сектора экономики находились под контролем иностранных (прежде всего британских) банкиров и финансистов. Процветание страны зависело от мировых цен на шерсть и мясо. Их резкие колебания приводили то к экономическому буму, то к пучине кризиса³¹.

На рубеже веков дряхлеющий британский лев стал все чаще уступать позиции агрессивным хищникам из США. На этих межимпериалистических противоречиях и пытался строить свою политику национал-реформизма президент Батлье. Более того, ему «повезло» в том отношении, что главные империалистические державы активно готовились к первой мировой войне, и им было не до локальных событий в маленькой латиноамериканской стране.

Батлье с неодобрением относился к существованию иностранных собственников и компаний в сфере услуг и промышленности и был уверен в способности государства успешно вытеснить из этих отраслей иностранный капитал. В своей экономической политике Батлье стал пионером в использовании государства для поощрения диверсификации национальной экономики и развития промышленности (то, что впоследствии назвали «экспорзамещением»).

При этом он руководствовался отнюдь не социалистическими идеалами, а традиционным либеральным национализмом. Батлье понимал, что единственным источником для развития экономики и укрепления позиций страны может быть только государство. И его примеру последовали в годы Великой Депрессии не только страны Латинской Америки. Некоторые исследователи полагают, что этот опыт использовал и президент США Ф. Рузвельт в разработке сво-

³¹ Nahum B. Uruguay-Inglaterra: sus relaciones financieras hasta mediados del siglo XX. – Montevideo: Universidad de la República (Uruguay), Area de Historia Económica, Departamento de Publicaciones, 2003. – P. 55.

его «Нового Курса»³². А после второй мировой войны этот пример вмешательства государства в экономику подхватили развивающиеся страны всего мира.

Став во главе правительства, Батлье-и-Ордоньес после некоторых колебаний развернул компанию против британского доминирования на уругвайском рынке, что усилило позиции национальной буржуазии (хотя в то же время объективно способствовало укреплению позиций североамериканского капитала).

Возможности маневра между интересами ведущих держав мира были достаточно ограниченными, учитывая те колоссальные возможности, которыми обладали в Уругвае западные предприниматели и банкиры для сворачивания опасного для них курса “экономического национализма” батльистов. Позиция Батлье, направленная на полную компенсацию (включая даже потери от неполучения будущих доходов) западным предприятиям при их национализации, которую он считал самой справедливой, неким образом не устраивала империалистов – как оказалось, деньги для них имели второстепенное значение по сравнению с контролем, расширением сферы влияния и господства. Продать предприятия означало для них прежде всего – создать тревожный прецедент выхода из под их власти. Именно поэтому батльистскую схему в наши дни вспоминают порой с иронией лишь в аристократических лондонских клубах как древний музейный экспонат, не выдержавший испытания временем.

Более того, даже попытки какой-то «игры», направленной на противопоставление интересов империалистических держав, также имели свои четкие границы, и в случае угрозы самой сложившейся системе империалистического господства сразу же забывались все прежние расхождения, и империалисты были готовы действовать сообща. Так например, Батлье заключил соглашение с *американцами* о строительстве государственных железных дорог, которые должны были конкурировать с господствующими в этой сфере *британскими* предприятиями и создать некий противовес всевластию англичан. Но *французский* посол в Уругвае написал письмо *американским* акционерам, в котором предостерегал их: «Уругвай враждебно настроен по отношению к любым иностранным интере-

³² Patel K. K. The New Deal: A Global History. – Princeton: Princeton University Press, 2016. – P. 318.

сам; в намерения его руководства входит удаление иностранного влияния из экономики; оно собирается с помощью вашей компании создать параллельную структуру британским железнодорожным линиям, чтобы лишить их доходов и добиться сворачивания бизнеса»³³.

Таким образом, «правила игры» были против уругвайского руководства, и даже если бы британское господство подошло к полному закату в 1915 г., новые хищники сразу заняли бы освободившееся место, и условия их существования в стране не могли измениться в лучшую для уругвайцев сторону.

БАТЛЬИЗМ И НАЦИОНАЛ-РЕФОРМИЗМ

Политика Батлье являлась преддверием взлета национал-реформизма – идеологии, особенно популярной в странах Латинской Америки, в которой сочетались антиимпериализм (“опора на собственные силы”, выросшая из экономического национализма и протекционизма, характерные для батльизма) и положительное решение “рабочего вопроса” (в батльистском социальном законодательстве и его сближении с рабочим классом были заложены основы национал-реформистского подхода).

Уругвай после первой мировой войны стал для многих стран лабораторией социального и политического экспериментирования, что было в первую очередь с деятельностью Батлье. Однако его реформистская деятельность была сочтена слишком радикальной даже внутри партии Колорадо. Видный деятель этой партии Фелисиано Виера, ставший президентом страны поспешил встать на путь уступок антиреформистским силам под победный аккомпанемент “свободной” прессы. Через несколько дней после объявления результатов выборов Ф.Виера опубликовал манифест, в котором, в частности, говорилось: «Передовые экономические и социальные законы, принятые в течение последних законодательных периодов, растревожили многих наших единомышленников, и они отказали нам в поддержке на выборах. Хорошо же, господа, мы не будем больше продвигаться в области экономического и социального законодательства и примирим капитал с трудом. Мы шли до-

³³ Finch, H. Political Economy of Uruguay: 1870-1970. – Basingstoke: Macmillan, 1981.– P. 201-215.

статочно быстро. Сделаем передышку в проведении дальнейших мероприятий в области заработной платы, не будем больше покровительствовать законам такого рода и приостановим принятие тех, которые находятся на рассмотрении законодательных органов»³⁴.

Причем съезд батльистской партии Колорадо одобрил без всяких колебаний декларацию президента. Это было новым значительным показателем отката партии, руководимой Батлье-и-Ордоньесом, перед объединенными антиреформистскими силами.

20 октября 1929 года Хосе Батлье-и-Ордоньес умер, и не оказалось никого, кто, обладая необходимыми качествами, мог бы возглавить партию, созданную Батлье. Батлье ушел в тот момент, когда стали особенно нарастать противоречия в стане батльизма. Эти противоречия были вызваны возникновением новых отношений в уругвайской экономической и политической жизни, резким усилением конфликтов между империалистическими державами, что ощущалось также и в Уругвае. Наряду с относительно ускоренным развитием в стране различных отраслей промышленности в Уругвае появилась новая буржуазия, которая все более и более отличалась от буржуазии тех лет, когда она делала свои первые шаги.

Закончилась эра сильного однопартийного правления, и начался период сложных межпартийных перипетий и комбинаций для обеспечения консенсуса. Будучи центральной фигурой в политической жизни страны, он продолжал бороться за осуществление своей главной задачи - превращения Уругвая в «образцовую страну» вплоть до своей смерти. Но и после ухода из жизни «дона Пепе» батльистская партия и ее идеология оставались «спинным хребтом» уругвайской политики и уругвайского образа жизни.

СУДЬБЫ НАСЛЕДИЯ «ДОНА ПЕПЕ»

В «добрые» для Уругвая демократические времена по окончании второй мировой войны (обиходным стало тогда словосочетание «Uruguay feliz» - «счастливый Уругвай»), когда уровень безработицы был минимальным, когда в стране отсутствовали межнациональные и межэтнические трения («процветание космополи-

³⁴ Lindahl G.G. Uruguay's New Path: A Study in Politics During the First Colegiado, 1919-1933. – Berlin: Library and Institute of Ibero-American Studies, 1962. – P.46.

тизма”), когда там не было и обычных для эпохи “холодной войны” гонений против левых сил, утвердилось прочное представление о том, что Уругвай это “произведение Батлье” (“obra de Batlle”). Однако эти времена быстро закончились, когда на мировом рынке после войны в Корее резко снизились цены на шерсть, которая составляла основу послевоенного экономического благополучия страны, и Уругвай не смог приспособиться к новым неблагоприятным условиям.

Тогда появился новый, критический подход к наследию “дона Пепа”. Его суть была в наиболее острой форме изложена в книге К.Асуа «Импульс и его крах»³⁵. На Батлье возлагалась ответственность за то, что благодаря его реформам уругвайцы привыкли к «легкой жизни» за спиной у государства, что они потребляют гораздо больше, чем могут производить. Батлье, в его изложении отражал «имманентные тенденции уругвайского общества», в особенности его среднего класса.

Уругвайские экономические беды не прекращались, и экономическая стагнация вкупе с гиперинфляцией произвели на свет политических уродцев: с одной стороны откровенный цинизм и разложение “верхов”, с другой - городскую партизанскую герилью “тупамарос”. Эти процессы завершились военным переворотом 1973 г., который смел с лица страны всю политику, но не остановил экономический кризис. В данных условиях вновь некоторые из историков возложили “историческую ответственность” за эти беды на плечи Батлье. Логика упоминавшихся выше Х.Баррана и Б.Наума состоит в том, что Батлье не учел “консерватизма и реакционности” среднего класса (заметим, что до переворота 1973 г. практически все исследователи отмечали, напротив, “прогрессивность” этого же класса), а также “умеренности и робости” рабочего класса (опять же до переворота все писали о “боевитости” рабочих). Дескать, “подспудный” консерватизм среднего класса нашел выражение в лозунге “закона и порядка”, с которым в конце концов одержала победу военная хунта.

Итак, за каждым крупным переломом в политической жизни Уругвая XX-XXI вв. незримой тенью присутствует фигура Батлье, к наследию которого обращались и будут обращаться историки и политологи.

³⁵ Azua C. El Impulso y Su Freno. Montevideo, 1964.

Трудно сказать, что было бы, если у Батлье была бы возможность полной реализации его экономических проектов. Многим кажется, что они в те отдаленные времена были выполнимы. В самом деле, почему бы Уругваю не стать “образцом для подражания” в глазах всего мира, не проводить свои научные разработки и развивать свою собственную технологическую базу, не поставлять на мировой рынок “ноу-хау” и наукоемкую продукцию, как мечтали уругвайские реформаторы? Но видимо эта сладкая мечта преувеличивает реальные потенции батльистского реформизма. Его границы очерчены прежде всего теми обычными буржуазными принципами частного предпринимательства, индивидуального эгоизма, социального паразитизма, внутри которых этот либеральный реформизм развивался.

Для полномасштабной реализации всех батльистских проектов требовалась концентрация усилий большинства граждан страны, их единый волевой порыв, что уже изначально противоречило мотивации эмигрантов, приехавших в Уругвай для улучшения своих условий существования, а не для осуществления каких-то идеалистических планов по созданию “образцового общества”. Условия политической демократии и откровенная оппозиция со стороны “вненационального” бизнеса способствовали бы росту напряженности во внутренней политике с каждым новым этапом реформирования. Более того, по мере продвижения вперед требовалось все больше средств для реализации различных проектов, а эти дополнительные средства могли быть почерпнуты только за счет роста налогового бремени, и следовательно должны были вызвать рост недовольства и сократить без того небольшую массовую базу поддержки реформистского курса.

Таким образом Батлье для полного осуществления своей программы было необходимо отказаться от условий представительной демократии, чего он не мог сделать по причине своей искренней приверженности политической доктрине либерализма, и (или) вплести свои реформы в ткань иной идеологии, способной мобилизовать энергию “низов” и заставить их пройти необходимый этап лишений для выхода на путь экономической и политической независимости. Но “дон Пепе”, всеми своими корнями прочно связанный со своим классом, никогда не смог бы совершить этот переход.

Конечно можно предположить, что Батлье и его сподвижникам

все же удалось бы каким-то чудом убедить большинство избирателей в необходимости временных лишений для осуществления планов модернизации общества в рамках сложившейся общественно-политической системы. Ведь большинство уругвайцев задним числом осознали же правильность батльистского курса, и многие из них с радостью согласились бы на временные трудности, зная, что впереди страну ждут такие суровые испытания, как мировой кризис 1929-1933 гг., череда беспрерывных кризисов 50-60х годов и жестокости военной хунты 1973-1985 гг., которых можно было избежать, имея мощную и неуязвимую перед лицом мирового рынка экономику.

Но чтобы вырваться из железного кольца вышеизложенных внутренних и внешних обстоятельств требовались (и требуются по сию пору) некие героические усилия, на которые не оказался способен уругвайский электорат. Батлье в своих попытках вывести страну из исторического тупика, добился многого, хотя и не обладал яркой “харизмой”, присущей ряду известных деятелей XX века. Он не был “природным политиком”: чувствовал себя неловко в людской толпе, никогда не наслаждался своей популярностью, с отвращением относился к популистским жестам - пожиманию рук, похлопыванию по плечам, не любил произносить торжественные речи. Он вообще чувствовал себя “не в своей тарелке”, общаясь с незнакомыми людьми, особенно иностранцами, и скрывал свою неловкость под личиной формальных манер и старомодности в привычках и одежде.

Но за этим фасадом несколько мешковатого, тучного, не любящего пышные общественные мероприятия и обожающего свою семью “дона Пепе” скрывался острый, пронизательный ум политика, просчитывающего свои действия на много ходов вперед. Давнюю обуревавшему его желанию реформировать и модернизировать Уругвай, было и отношение к друзьям, отличавшееся от принятого среди политиков цинизма и лицемерия. Батлье ставил дружбу в зависимость не от «интересов», а от «идей»: «В политике у меня нет друзей, за исключением тех, кто разделяет те же идеи, что и я»³⁶.

Сжигавшей его страстью была идея превратить Уругвай в “об-

³⁶ Abadie W.R., Romero A.V. Crónica general del Uruguay. V.6 – Montevideo: Ediciones de la Banda Oriental, 2000. – P.558.

разец для подражания”, в свободную, независимую страну, где каждый гражданин мог бы получить максимум возможного в соответствии со своими заслугами. Он стал одним из первых либеральных политиков в Латинской Америке, открывших в XX веке полосу борьбы с международным империализмом с позиций национал-реформизма, борьбу, в которой он в условиях, ограниченных внутривластными и внешними условиями, а также его собственным социальным статусом и классовой принадлежностью, добился максимума возможного.

Его положительной чертой было необыкновенное упорство в достижении поставленных целей, а также стремление в любых, даже безнадежных ситуациях, добиваться пусть небольшого, но продвижения вперед во благо своей страны. Как говорил он сам: «Для сеньора Батлье политическое действие означает постоянные усилия по продвижению от одного политического состояния к другому, более благоприятному. В любой момент, даже тогда, когда казалось бы не остается ничего, кроме крайнего отчаяния, что-то можно предпринять. Иногда воздержаться от каких-либо действий, иногда поднять революцию, иногда принять участие в деятельности режима, который способен к эволюционированию, и всегда оказывать открытую, решительную и энергичную поддержку тому правительству, которое основывает свою политику на учете общественного мнения, которое выражает решимость добиться осуществления национальных интересов и чаяний»³⁷

Одну из лучших оценок деятельности Батлье дал Э. Галеано в своей знаменитой книге «Вскрытые вены Латинской Америки»: «Уругвайский президент Хосе Батлье-и-Ордоньес выступал глашатаем буржуазной революции в Латинской Америке. Восемичасовой рабочий день был введен в законодательном порядке в Уругвае раньше, чем в Соединенных Штатах. В своем опыте «welfare state» Батлье не только не ограничился претворением в жизнь самого передового для своего времени социального законодательства, но и изо всех сил способствовал культурному развитию и просвещению масс; он национализировал сферу общественных услуг и некоторые существенно важные с экономической точки зрения сферы производства. Однако он не затронул власти землевладельцев, не национализировал ни банковское дело, ни внеш-

³⁷ El Dia, Montevideo, 25.03.1912.

ную торговлю. В настоящее время Уругвай страдает от последствий этих упущений Батлье (возможно, неизбежных) и от предательства его преемников»³⁸.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Abadie W.R., Romero A.V.* Crónica general del Uruguay. V.6 – Montevideo: Ediciones de la Banda Oriental, 2000.
- Alexander R.J., Parker E.M.* A History of Organized Labor in Uruguay and Paraguay. – Westport, London: Praeger, 2005.
- Azua C.* El Impulso y Su Freno. Montevideo, 1964.
- Barran J., Nahum B.* Historia Rural de Uruguay Moderno. Montevideo, v.6, 1976.
- Batlle y Ordóñez, el reformador. Montevideo: Edit. Clarida, 1942.
- Burel H.* Los inmortales: el encuentro Batlle – Saravia. Montevideo: Alfaguara, 2003.
- Conci G., Guidici G., Guidici C.* Batlle y el batllismo. Montevideo: Editorial Ateneo, 1957.
- Finch H.* Political Economy of Uruguay: 1870-1970. Basingstoke: Macmillan, 1981.
- Frugoni E.* El libro de los Elogios. Montevideo, 1953.
- García A.* Reforma agraria y dominación social en América Latina. – Buenos Aires: Ediciones Nueva Visión, 1973.
- Gilio M.E.* Pepe Mujica: De tupamaro a Presedente. Buenos Aires: Le Monde Diplomatique, 2005.
- Johnson J.* Political Change in Latin America: The Emergence of the Middle Sectors. Stanford, 1958.
- Lago J.* José Batlle y Ordóñez: ensayos sobre el período crítico de la República Oriental, 1903-1916. Montevideo: Vanguardia, 1982.
- Lindahl G.G.* Uruguay's New Path: A Study in Politics During the First Colegiado, 1919-1933. Berlin: Institute of Ibero-American Studies, 1962.
- Nahum B.* Uruguay-Inglaterra: sus relaciones financieras hasta mediados del siglo XX. Montevideo: Universidad de la República, 2003.
- Panizza F.* Uruguay: Batllismo y despues. Montevideo: Banda Oriental, 1990.
- Patel K.K.* The New Deal: A Global History. Princeton: Princeton University Press, 2016.
- Pelúas D.* José Batlle y Ordóñez: el hombre. Montevideo: Editorial Fin de Siglo, 2001.
- Pendle G.* Uruguay. South America's First Welfare State. Oxford, 1952.
- Pintos F.R.* Batlle y el proceso histórico del Uruguay. Montevideo: Claudia García, 1938.

³⁸ Галеано Э. Вскрытые вены Латинской Америки. М.: Прогресс, 1986. С. 391.

- Ponce de León N.B., Gomensoro J.* Bolsa de Valores, Montevideo, 1867-2000. Montevideo: Bolsa de Valores de Montevideo, 2000.
- Salazar Mora J.M.* Crisis liberal y estado reformista: análisis político-electoral (1914-1949). San José: Universidad de Costa Rica, 2003.
- Sinha T.* Pension Reform in Latin America and Its Lessons for International Policymakers. México: Instituto Tecnológico Autónomo de México, 2000.
- Vanger M.* José Batlle y Ordóñez, 1915-1917: "Humanizando el capitalismo". Uruguay y el Colegiado. Montevideo: Banda Oriental, 2009.
- Vanger M.* The Model Country: José Batlle Y Ordoñez of Uruguay, 1907-1915. Lebanon (N.H.): University Press of New England, 1980.
- Williams E.J.* Secularización, integración, racionalización: algunas perspectivas del pensamiento latinoamericano. Wash.: Centro de Información, Documentación y Análisis Latinoamericano, 1975.
- Галеано Э.* Вскрытые вены Латинской Америки. М.: Прогресс, 1986.

REFERENCES

- Abadie W.R., Romero A.V.* Crónica general del Uruguay. V.6 – Montevideo: Ediciones de la Banda Oriental, 2000.
- Alexander R.J., Parker E.M.* A History of Organized Labor in Uruguay and Paraguay. – Westport, London: Praeger, 2005.
- Azua C.* El Impulso y Su Freno. Montevideo, 1964.
- Barran J., Nahum B.* Historia Rural de Uruguay Moderno. Montevideo, v.6, 1976.
- Batlle y Ordóñez, el reformador. Montevideo: Edit. Clarida, 1942.
- Burel H.* Los inmortales: el encuentro Batlle – Saravia. Montevideo: Alfaguara, 2003.
- Conci G., Guidici G., Guidici C.* Batlle y el batllismo. Montevideo: Editorial Ateneo, 1957.
- Finch H.* Political Economy of Uruguay: 1870-1970. Basingstoke: Macmillan, 1981.
- Frugoni E.* El libro de los Elogios. Montevideo, 1953.
- García A.* Reforma agraria y dominación social en América Latina. – Buenos Aires: Ediciones Nueva Visión, 1973.
- Gilio M.E.* Pepe Mujica: De tupamaro a Presedente. Buenos Aires: Le Monde Diplomatique, 2005.
- Johnson J.* Political Change in Latin America: The Emergence of the Middle Sectors. Stanford, 1958.
- Lago J.* José Batlle y Ordóñez: ensayos sobre el periodo crítico de la República Oriental, 1903-1916. Montevideo: Vanguardia, 1982.
- Lindahl G.G.* Uruguay's New Path: A Study in Politics During the First Colegiado, 1919-1933. Berlin: Institute of Ibero-American Studies, 1962.
- Nahum B.* Uruguay-Inglaterra: sus relaciones financieras hasta mediados del siglo XX. Montevideo: Universidad de la República, 2003.
- Panizza F.* Uruguay: Batllismo y despues. Montevideo: Banda Oriental, 1990.

- Patel K.K.* The New Deal: A Global History. Princeton: Princeton University Press, 2016.
- Pelías D.* José Batlle y Ordóñez: el hombre. Montevideo: Editorial Fin de Siglo, 2001.
- Pendle G.* Uruguay. South America's First Welfare State. Oxford, 1952.
- Pintos F.R.* Batlle y el proceso histórico del Uruguay. Montevideo: Claudia García, 1938.
- Ponce de León N.B., Gomensoro J.* Bolsa de Valores, Montevideo, 1867-2000. Montevideo: Bolsa de Valores de Montevideo, 2000.
- Salazar Mora J.M.* Crisis liberal y estado reformista: análisis político-electoral (1914-1949). San José: Universidad de Costa Rica, 2003.
- Sinha T.* Pension Reform in Latin America and Its Lessons for International Policymakers. México: Instituto Tecnológico Autónomo de México, 2000.
- Vanger M.* José Batlle y Ordóñez, 1915-1917: "Humanizando el capitalismo". Uruguay y el Colegiado. Montevideo: Banda Oriental, 2009.
- Vanger M.* The Model Country: José Batlle Y Ordoñez of Uruguay, 1907-1915. Lebanon (N.H.): University Press of New England, 1980.
- Williams E.J.* Secularización, integración, racionalización: algunas perspectivas del pensamiento latinoamericano. Wash.: Centro de Información, Documentación y Análisis Latinoamericano, 1975.
- Goleano E.* Vskrytye veny Latinskoi Ameriki. M.: Progress, 1986. [Open veins of Latin America]